

УДК [808.2+802.0]-801.

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ О СЧАСТЬЕ

Г.А. Багаутдинова, Л.К. Байрамова

Статья посвящена исследованию фразеологии русского, татарского и английского языков в зеркале базовой системы ценностей социума. Впервые в сопоставительном аспекте анализируются русские, татарские и английские фразеологизмы (в том числе афоризмы и пословицы), объединенные значением «счастье». Фразеологизмы анализируются в соответствии с имеющимися и обоснованными в философии взглядами на счастье, которые нашли отражение во фразеологии исследуемых языков.

К созданию всестороннего, философски обоснованного понятия счастья стремились многие ученые и во все времена. Первые известные трактаты о счастье восходят к древности. К ним относится, например, трактат Аристотеля в его «Этике к Никомаху», который считал, что счастье есть обладание тем, что всего ценнее. Если самое ценное – знание, то счастлив тот, у кого оно есть; если же самым ценным является деятельность, то счастлив человек деятельный. Таким образом, Аристотель различал счастье созерцательное, проявляющееся в познании, и активное счастье, проявляющееся в деятельности*.

Сохранился трактат Сенеки «De vita beata». Следует сослаться и на трактат «De vita beata» Августина Блаженного (эпоха христианства), но концепция счастья у него иная, чем у Аристотеля или Сенеки.

Интерес к проблеме счастья сохранился и в эпоху средневековья. Когда начали появляться Суммы, в них включались и трактаты о счастье. Так, в «Сумме теологии» Фомы Аквинского проблеме счастья посвящено несколько рубрик.

Трактаты нового времени стали развивать христианскую концепцию, согласно которой счастье достижимо только в загробной жизни. К ним относят, в первую очередь, самые ранние работы о счастье на польском языке – сочинения Ст. Колаковского (XVI в.), а затем книги С. Витвицкого (XVII в.) и А. Вишневого (XVIII в.).

Однако в работах о счастье имелись и такие воззрения, которые находились в конфликте с теологическими традициями: Данте с помощью философских наставлений мечтал открыть человечеству путь к земному счастью.

О «земном счастье» писали и гуманисты XV в., считавшие, что оно возможно при органической связи с богатством духовной культуры. Об этом писал в своих трактатах итальянский философ Лоренцо Валла.

Гуманисты эпохи Возрождения, отрицая загробное счастье, верили в возможность земного счастья, основанного на человеческой солидарности. Один

* Здесь и далее краткий обзор философских работ о счастье дается по [1, 2].

из выдающихся представителей культуры итальянского Возрождения Л. Альберти писал: «Счастья нельзя достичь, не совершая добрых дел, праведных и доблестных, т. е. таких дел, которые не только никому не вредят, но полезны многим».

В концепции авторов работ эпохи Просвещения выражалась идея о том, что единственное счастье, на которое можно рассчитывать, это и есть именно земное счастье. Например, К. Гельвеций в поэме «Счастье» писал, что только прогресс знаний может обеспечить счастье всех людей и каждого в отдельности. Все остальное не дает доступа в «храм счастья»:

*Ни радости любви, ни власти мощь, ни честь
Не могут смертного в храм счастья привести.
Богатство, может быть, раскроет храм прекрасный?
Нет, – Мудрость говорит, – надеешься напрасно
И на богатство ты! Бесплодный тот металл
Ни благ, ни горестей от века не рождал.*

В XVIII в. из трактатов о счастье была уже составлена антология «Святыня счастья» (2-е изд., 1770, в 4-х томах), в которую вошли светские трактаты Фонтенеля, Ламетри, Мопертюи, Мандевиля, статьи из Большой французской энциклопедии, религиозные сочинения Бюффье и де Пуйи.

В XIX и XX вв. литература о счастье продолжала пополняться: в книгах Иеремия Бентам или Буйе анализировалось понятие счастья и отыскивались законы, которые им управляют; работы Леббока или Рассела учили, как достичь счастья.

Вслед за французскими просветителями XVIII в. немецкий философ-материалист и атеист Л. Фейербах подчеркивал, что нельзя решить проблему счастья, настаивая на независимости интересов каждого отдельного человека от интересов других людей. Идеал счастья, считал Л. Фейербах, достигается во взаимном общении людей, а способом его обеспечения является любовь человека к человеку.

Обозревая проблему философских исследований счастья, доктор философских наук профессор Л.М. Архангельский в предисловии к книге В. Татаркевича «О счастье и совершенстве человека» пишет, что и русские революционные демократы XIX в. вписали яркую страницу в летопись поисков путей, ведущих к счастью. Н.А. Добролюбов и Н.Г. Чернышевский конкретизировали представления о счастье большинства, заявив: личное счастье невозможно, пока несчастен народ [2, с. 19].

Л.М. Архангельский останавливается и на точке зрения К. Маркса и Ф. Энгельса по данному вопросу. Он пишет, что основоположники марксизма обосновали постоянную зависимость, существующую между материальными и духовными предпосылками счастья. Счастье, писал Ф. Энгельс, «нуждается больше всего в материальных средствах...» [2, с. 22].

Материальное благо, считает Л.М. Архангельский, – исходная предпосылка счастья, исходная, но отнюдь не единственная. Счастье – состояние человека, определяемое не простым наличием необходимых условий, но и отношением человека к ним. Как воспринимает, как оценивает человек материальные

блага, какое место потребность в них занимает в системе потребностей личности – от этого во многом зависят ощущение жизни, мировосприятие. Л.М. Архангельский выражает точку зрения на счастье, существовавшую в социалистическом обществе: подлинное счастье – в осознании того, что достижение личных целей обретает глубокий нравственный смысл только через гармонию личного и общественного. При этом он ссылается на весьма популярную в свое время «формулу» счастья, предложенную А.Н. Толстым: «Счастье есть ощущение полноты физических и духовных сил в их общественном применении».

Большую роль в формировании счастливого человека играет труд. Л.М. Архангельский пишет, что человек развивает и самоутверждает себя как в труде, так и в свободное от работы время, которое К. Маркс называл пространством для развития всесторонних способностей человека. Доказывая, он приводит слова А.М. Горького: «Нет пути к счастью более верного, чем путь свободного труда» [2, с. 20–24].

В своей монографии «О счастье и совершенстве человека» польский философ В. Татаркевич различает четыре понятия счастья:

1) Счастье понимается в объективном значении, как удачное стечение обстоятельств, как благоприятные условия жизни. Счастье есть не что иное, как *везение* или *удача*, удачное стечение обстоятельств, счастливая судьба, счастливый случай. Это счастье, говорит В. Татаркевич, в *житейском* значении [1, с. 32].

2) Счастье понимается субъективно: как вид переживания, как особенно радостное и глубокое чувство. Счастье в этом понимании означает не что иное, как состояние *интенсивной радости*, блаженства или упоения. Речь идет о том, что пережил человек, и сравнительно неважно, какие внешние условия породили это переживание. Таково понятие счастья в *психологическом* значении [1, с. 32].

3) Объективное философское понимание счастья: счастье – это *высшее благо*, доступное человеку. Так понимали благо (греч. эвдемония) почти все древние философы. Мерилом счастья в этом его значении было не удачное стечение обстоятельств, не интенсивная радость, а высота достигнутых благ [1, с. 35].

4) Счастье – удовлетворение жизнью в целом. Это субъективное понимание счастья. Счастье человека состоит в том, что он доволен своей жизнью [1, с. 36].

В философских словарях даются следующие дефиниции счастья, которые, на наш взгляд, дополняют друг друга: «Счастье – состояние полного, высшего удовлетворения, абсолютного отсутствия желаний, идеал, осуществить который стремятся путем разумного и совместного действия» [3, с. 446]. «Счастье – понятие, конкретизирующее высшее благо как завершенное, самоценное, самодостаточное состояние жизни; общепризнанная конечная субъективная цель деятельности человека» [4, с. 843].

Проведенный краткий обзор философских работ о счастье показывает сложность понятия счастья, в силу чего, видимо, отсутствует однозначная его дефиниция.

В отличие от большого количества философской литературы по проблеме счастья, литературы другого плана, например лингвистической, анализирующей отражение в языке отношения к счастью человека и общества, оценку сча-

стью как высшей ценности, напротив, очень мало. Среди этой литературы интерес представляет получившая положительную оценку в лингвистическом мире монография С.Г. Воркачева «Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа», в которой автор доказывает свое предположение, что в семантический блок «пассивных», потребительно ориентированных концепций попадают эпикурейская, гедоническая, гармоническая концепции довольства, благополучия, обладания; тогда как в семантический блок «активных», созидательных концепций входят концепции, образованные факторами желания, цели, свободы как способа реализации личности, соответствия своему призванию, деятельности, и концепции, ориентированные на поддержание межличностных отношений: семьи, любви дружбы, общения, взаимопонимания [5, 6].

Среди лингвистических исследований концепта «Счастье» имеются отдельные статьи на материале хорватского, русского, английского и татарского языков [7–9]. В одной из своих работ мы уже отмечали большое различие в русской и восточной эссенциальной семантике концепта «Счастья» [9]. Остановимся более подробно на фразеологическом материале русского, татарского и английского языков, посвященном понятию счастья как одной из важнейших человеческих ценностей.

Общеизвестно, что у разных народов символы счастья не могут быть одинаковыми и, соответственно, их номинации в разных языках редко эквивалентны.

В русском языке символы счастья передаются следующими фразеологизмами: *алые паруса* (*книжн.*) – символ высшей мечты, надежды на счастье [*этим.* А.С. Грин. «Алые паруса» (1923)]; *синяя птица* – символ счастья; то, что воплощает для кого-либо высшее счастье [*этим.* от названия пьесы-сказки бельгийского писателя-символиста Мориса Метерлинка «Синяя птица» (постановка 1908 г.)].

Однако природа счастья и взгляды на него разных людей не однородны, и это нашло отражение в разных фразеологических номинациях: *личное счастье* – счастье в любви, семье, в частной жизни; *мещанское счастье* – довольство мещанской жизнью, ограниченной мелкими собственническими интересами, узким идейным и общественным кругозором [*этим.* Н.Г. Помяловский. «Мещанское счастье» (1861)]; *слепая фортуна* (*книжн.*) – случайное счастье, недолговечное счастье, счастливый случай.

О счастливом человеке, а каждый человек счастлив по-своему, можно сказать, что он *баловень судьбы / счастья*, то есть человек, избалованный счастливым везением; или что он *владеет перстнем Паликрата* (*книжн.*), то есть очень счастливый, везучий человек [этимологический источник этого фразеологизма – древнегреческая легенда о самосском тиране Паликрате (XI в. до н.э.), неправдоподобно счастливом человеке. Однажды он уронил в море свой перстень, который затем был обнаружен в только что пойманной рыбе. Этот эпизод был растолкован мудрецом как смена счастья большой бедой. Действительно, в конце царствования Паликрат был захвачен персами и казнен]*.

* Здесь и далее этимологические справки приводятся по словарям [10–12].

По отношению к очень счастливому человеку, ставшему счастливым благодаря своему благочестию, в русском языке употреблялся ныне устаревший фразеологизм *счастлив как Енох*, источником которого является библейская легенда о праведнике Енохе, которого Бог забрал на небо за его благочестие.

В татарском языке символы счастья определяются фразеологизмами: *бәхет йолдызы* (звезда счастья), *бәхет кошы* (птица счастья), *омак ишеге / капкасы* (дверь / ворота рая), *сгадт талы* (верба счастья). Как видно, оригинальным компонентом-символом счастья у татар является верба.

Неоднородность счастья в татарском языке отмечена разными, не синонимичными фразеологизмами: о счастье говорят *бәхетле йәз* (букв. счастливое лицо); самое большое счастье называется *ак бәхет* (букв. белое счастье); счастье на уровне удачи – *бәхет ишеге / капкасы* (букв. дверь / ворота счастья); не полное счастье, а такое, которое только еще брезжит, подает надежду – *бәхет нуры* (букв. луч счастья).

В английском языке символом счастья является путеводная звезда – *one's guiding star* (фразеологизм возник на основе библейской легенды, согласно которой три волхва-звездочета узнали по созвездиям, что где-то на земле родился сын Божий – Иисус. Они отправились в путь, чтобы поклониться ему и принести дары. Путь в Вифлеем им указывала таинственная подвижная звезда).

Счастье в английском языке фразеологически именуется то как *good fortune* (удача, счастье, везение, счастливый случай), то персонифицированно: как *Lady Luck* – госпожа Фортуна, госпожа Удача; то как *the chance of a lifetime* – счастливый случай; возможность, предоставляющаяся только раз в жизни; или же как *a stroke of fortune / of luck* (букв. ласка фортуны / счастья); если просто удача, – то как *a good job*; а военное счастье, превратности войны – *the fortune(s) of war*.

Поразительная пестрота и оригинальность образов использована в английских фразеологизмах о счастливом человеке: это и лодочник, и нищий, и мошенник, и дьявол, и даже пёс (ведь каждый может быть счастливым!) – *a lucky bargee / beggar / rascal / devil / dog*; и, конечно же, счастливым является дитя, баловень, любимец фортуны – *a child / darling / favourite of fortune*.

С точки зрения философии имеются по крайней мере четыре основных значения понятия счастья. Соответственно, счастливым является:

- 1) тот, кому сопутствует счастливая судьба;
- 2) тот, кто познал самые сильные радости;
- 3) тот, кто обладал наивысшими благами или, во всяком случае, положительным балансом жизни;
- 4) тот, кто доволен жизнью [1, с. 37].

Лингвистический материал (а именно он, на наш взгляд, является отражением существующих в обществе воззрений, философски осмысленных) доказывает правомерность указанных выше четырех положений о счастье и счастливом человеке. Остановимся на примерах из русского, татарского и английского языков.

1. Счастье человека не зависит от него: оно дается ему судьбой или обусловлено хорошим стечением обстоятельств. Еще древние греки, понимая счастье как благоприятную судьбу, считали ее даром богов.

Этот взгляд на счастье как не зависящее от человека явление выражен, например, в таких пословицах: *Счастье – вольная птичка: где хотела, там и села. Счастье не приходит, сколько ни зови, несчастье не уходит, сколько ни гони.* – Бәхет чакырса да, килми – бәхетсезлек куца да, китми. – и в поговорке *The lines have fallen to me in pleasant places* – счастливый удел выпал мне на долю [этим. библ. Psalms XVI, 6].

В русской, татарской и английской фразеологии нашло отражение представление людей о том, что счастье человека дается ему свыше, поэтому некоторые люди якобы уже рождаются счастливыми.

У русских, татар и англичан это связывается с наблюдением за младенцем, родившимся в рубашке – оболочке плода в утробе матери: *родиться в рубашке / сорочке*; тат. бәхет йәзлеге белән туу; йәзлек белән туу; кап (сәпә) эчендә туган бала (устар.); англ. *be born with a caul / on one's head* (уст.) – родиться счастливым.

Вера русских и англичан в астрологический прогноз, по которому расположение небесных светил якобы влияет на судьбу человека, также зафиксирована во фразеологизмах: *родиться под счастливой звездой; счастливая планета выпала кому* (устар. шутол.) – очень повезло кому [этим. планета – планета; от гадания по гороскопу]; англ. *be born under a lucky star* – родиться счастливым; *bless (или thank) one's stars* (тж. *thanks one's lucky stars*) – благодарить свою (счастливую) звезду; благословлять, благодарить судьбу.

Однако у каждого народа имеются и свои наблюдения на сей счет. Например, у татар существует суеверие: человек будет счастливым, если он родился ранним чистым свежим утром, когда только-только начинает просыпаться природа и домашние животные: *ишәк тәкерәндә туу* (букв. родиться, когда чихнул ишак) – родиться счастливым; есть у татар и другое поверье: если лошадь или другое животное родится с белым пятном («звездочкой») на лбу, то оно считается святым существом; этот признак был перенесен и на человека: о счастливом человеке татары говорят, что он родился со звездой на лбу – (аны) магае йолдызлы.

По представлениям англичан, родиться счастливым – это родиться в богатой семье: *be born with a silver spoon in one's mouth* (букв. родиться с серебряной ложкой во рту) (видимо, одним из атрибутов богатства у англичан считалось наличие в доме столового серебра).

Мифы и легенды также нашли отражение в мечтах о счастье человека. Например, татары о счастливом человеке говорят, что он родился с кольцом счастья: *бәхет йәзеге белән туган* (букв. родиться с кольцом счастья) – родиться счастливым. Этот фразеологизм этимологически восходит к мифу о пророке Сулеймане, ставшем сказочно богатым благодаря волшебному кольцу, которое обладало силой подчинять духов, птиц, ветра и воды.

Понятие благоприятной, удачной судьбы, везения является естественным, свойственным простому, первоначальному способу мышления. У греков оно употреблялось чаще всего под названием «эвтюхия» (*эв* – добро, *тюхе* – судьба), а в религиозных сочинениях, мифах – под названием «эвдемония» (*эв* – добро, *деймон* – божество), означая, таким образом, судьбу человека, находящегося под защитой добрых богов, то есть удачную судьбу.

Взгляд на счастье, которое якобы независимо от человека, раскрывают фразеологизмы о везении, удаче.

«Счастливы твой Бог!» – говорили раньше русские люди, что означало: ‘хорошо, что произошло так удачно для тебя’. А когда кому-либо очень повезло, оценивали эту ситуацию как улыбку Фортуны – улыбку мифологической богини счастья и несчастья, судьбы, удачи. Богиня Фортуна из первоначального мифологического образа со временем превратилась в какое-то общее божество у греков и римлян и стала предметом особого культа. Она изображалась в виде молодой женщины с повязкой на глазах (слепое счастье), стоящей на шаре или крылатом колесе (превратности судьбы) и держащей в одной руке руль (управление судьбой человека), а в другой – рог изобилия (благополучие, богатство). Именно в значении судьбы, случая, счастья слово *фортуна* вошло и в русский язык, а с ним и фразеологизмы: *фортуна улыбается, улыбка фортуны*; в русском языке были образованы также и слова: *фортунить* в значении ‘везти кому-либо в чем-либо’, *фортунка* в значении ‘азартная игра, представляющая собой упрощенную рулетку’.

В татарском языке в случае большой удачи говорят: «*Бәхетә бар икән!*» (букв. есть же у тебя счастье) – везет же тебе; в подобных ситуациях везения употребляется также фразеологизм *аның бәресе улаган* (букв. его волк выл) – ему повезло [этимологически этот фразеологизм восходит к тем временам, когда у тюрков волк, особенно белый волк, считался святым животным; по легенде, когда-то волк помог тюркам выйти из окружения, своим завыванием указывая дорогу].

В английском языке удача и везение объяснялись так же, как в русском языке, деяниями Фортуны, ее лаской, улыбкой: *Fortune smiles upon smb.* – судьба улыбается, удача сопутствует кому-л.; *smiles of fortune* – улыбка фортуны, милость судьбы; *a stroke of fortune / of luck* (букв. ласка фортуны) – удача, везение; верили и в астрологические прогнозы – в особое положение звезд на небе: *have one's star in the ascendant* – его (ее и т. д.) звезда восходит, то есть быть удачливым, преуспевать. Образы некоторых английских фразеологизмов со значением удачи и везения связаны с морем, со счастливым возвращением корабля из плавания, что естественно для английского образа жизни, в котором морская субкультура всегда занимала важное место: *on the crest / top of the wave* (букв. на гребне волны) – на вершине счастья, удачи; *when one's ship comes home / in* (букв. когда корабль вернется домой) – когда счастье ему (ей и т. д.) улыбнется.

Приведенные выше фразеологизмы в русском, татарском и английском языках раскрывают понимание человеком счастья в объективном значении – как удачное стечение обстоятельств, как благоприятные условия жизни, счастливый случай. Это, как пишет В. Татаркевич, «счастье в *житейском*, можно сказать, значении» [1, с. 32].

2. Субъективное понимание счастья раскрывается фразеологизмами, выражающими приятные переживания, интенсивную радость, ликование, блаженство, упоение.

В русском языке это следующие фразеологизмы:

на верху блаженства – безгранично счастливым, глубоко удовлетворенным (быть, чувствовать себя);

на седьмом небе – безгранично счастливым, глубоко удовлетворенным (быть, чувствовать себя); *попадать на седьмое небо* (книжн.) – испытывать чувство восторга, блаженства, безграничного счастья и т. п. [фразеологизм возник на основе представления о небе как о семи вращающихся хрустальных сферах – небесах; на верхней сфере якобы находится рай, и именно с седьмого неба ангел принес Коран на землю];

не слышать земли под собой (устар.) – быть в приподнятом, восторженном настроении от чего-л.;

ошалеть от счастья – приходиться в возбуждение, терять ясность сознания и рассудка от счастья;

погрузиться в нирвану (книжн.) – погрузиться в состояние блаженного самозабвения [этим. *нирвана* – прекращение; по буддийской философии, под нирваной понимается то непостижимое состояние блаженства, в котором окончательно устраняются все факторы бытия, обуславливающие индивидуальное существование].

Как видно, некоторые фразеологизмы имеют своим источником религиозные, философские представления. Однако такой оригинальный фразеологизм, как *бросать в воздух шапки / чепчики* – выражать крайнюю радость, ликовать – имеет литературный источник: этимологически он восходит к комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»:

*Когда из гвардии, иные от двора
Сюда на время приезжали, –
Кричали женщины: « Ура!»
И в воздух чепчики бросали!*

В татарском языке ощущение человеком счастья, чрезвычайной радости передается следующими фразеологизмами, в которых привлечены соматизмы: *авызы колагына □итте* (букв. рот до ушей) – засиял(а) от счастья; *аяк □ирг□ тим□□* – не чувствовать под собой земли (от радости, счастья); *башы к□кк□ тию* (букв. задеть головой небо) – быть очень счастливым; *т□б□се к□кк□ тию* (букв. задеть макушкой головы небо) – чувствовать себя очень счастливым. Отражают они и религиозное представление о рае: *сигез о□мах капкасын ачу* (букв. открыть восемь врат рая) – чувствовать себя очень счастливым.

Оригинален образ смеющегося солнца счастья, использованный татарами во фразеологизме *б□хет кояшы к□л□* (букв. солнце счастья смеется) – быть счастливым. Совместный образ земли и неба для передачи чрезвычайной радости дан во фразеологизме *□ир-к□ге бел□н шатлану* (разг.); ощущение полета от радости передано фразеологизмом *шатлыктан очыну* (очыну – махать крыльями).

В татарском языке несколько фразеологизмов употребляются в значении ‘наслаждения, блаженства’: *з□вык-сафа сору* – наслаждаться; *к□еф-сафа кылу* – наслаждаться, блаженствовать; *к□еф сору* – наслаждаться, блаженствовать;

р□х□т чиг□ – блаженствовать. И эти фразеологизмы также раскрывают суть представления о счастье. Аристотель, например, говоря о полном счастье, дополнял эвдемонию блаженством; тех, кто достигал его, он называл «счастливыми и блаженными». Он считал, что когда человека преследует злая судьба и отбирает у него внешние блага (если, например, он будет больным и одиноким), то, даже обладая другими наивысшими благами, он не познает блаженства. Таким образом, для Аристотеля формула «счастливый и блаженный» не была плеоназмом [1, с. 64–65].

В английском языке ощущение и переживание счастья передается фразеологизмами, в которых часто присутствует компонент, указывающий на высоту, что, видимо, не случайно, а созвучно высокой мере счастья. Это следующие компоненты:

– *a cloud* (облако):

be / sit on a cloud (букв. быть / сидеть на облаке) (амер. разг.) – быть очень счастливым, ошалеть от счастья или удачи; *float on a cloud / on clouds / on the clouds / on air* (амер., австрал.) – ликовать, радоваться, чувствовать себя очень счастливым; *on cloud seven / nine; тж. on Cloud Nine / on Cloud 9* (разг.) – бесконечно счастлив; на седьмом небе [первонач. амер.];

– *the heaven* (небо):

in the seventh heaven – на седьмом небе (от счастья, радости и т. п.) [по учению ислама, имеется семь небес; попадающие на седьмое небо испытывают наивысшее блаженство];

– *the moon* (луна):

be / jump over the moon (букв. быть / прыгать выше луны) – прыгать от радости, быть на седьмом небе (от счастья);

– *the air* (воздух):

tread / walk on / upon air – ликовать, радоваться;

– *the top of the world* (вершина мира):

be (или sit) on top of the world (букв. быть на вершине мира) (разг.) – находиться на вершине блаженства, чувствовать себя счастливее всех на свете [первонач. амер.].

Кроме того, во фразеологизмах английского языка использованы оригинальные сравнения по отношению к человеку, ощущающему себя очень счастливым. Так, счастливый человек сравнивается:

– с жаворонком: *(as) happy as a lark* – очень счастлив; *sing like a lark* (букв. петь как жаворонок) – распевать весело, звонко от полноты счастья;

– с опоссумом на эвкалиптовом дереве: *(as) happy as a possum up a gum-tree* (букв. счастлив как опоссум на эвкалиптовом дереве) (австрал. разг.) – безмерно счастлив;

– с моллюском: *(as) happy as a clam* – очень счастлив.

Для сравнений использованы и олицетворяющий счастье сказочный персонаж – песочный мальчик, и персонаж кукольной комедии – Панч, и, конечно же, всегда очень счастливый в представлении народа – король: *(as) happy as a king / as a sandboy* (букв. счастлив как король / как песочный мальчик) амер. – очень счастлив; *(as) pleased as Punch* (букв. довольный как Панч) – очень доволен, рад-радешенек, от души рад [этим. Панч – персонаж кукольной комедии].

Как видно, вышеприведенные русские, татарские и английские фразеологизмы раскрывают субъективное счастье. Это понятие счастья в психологическом значении [1, с. 32].

3. Большинство людей связывает субъективное счастье с объективным и даже ставит его в зависимость от объективного, то есть радость обуславливается удачей и везением.

В обоих пониманиях слово «счастье» означает что-либо благоприятное, однако ни в том, ни в другом оно не означает того высшего блага и главной цели жизни, каким, собственно, и считается счастье [1, с. 33]. Счастье – одно из высших, если не наивысшее, благо, каких может достичь человек [1, с. 34].

Почти все древние философы понимали счастье как *высшее благо*, доступное человеку. Аристотель так определял объективное философское понятие счастья: «приятная жизнь и жизнь в довольстве», а Боэций: «счастье – это состояние совершенства, достигнутое сочетанием всех благ»; Геродот писал о Телле, что счастье его было в том, что он «погиб за отчизну». Таким образом, Аристотель, Боэций и Геродот понимали счастье как *высшее благо*, доступное человеку. Мерилом счастья в этом его значении было не удачное стечение обстоятельств, не интенсивная радость, но высота достигнутых благ. Однако понимание высшего блага было разным: это и моральное благо, и цель жизни, и равномерное сочетание всех благ и т. д., то есть эвдемония понималась как обладание наивысшим благом, которое очень разнообразно.

Разные точки зрения на понимание наивысшего блага представлены в языках разных народов.

Для русского человека – это:

– счастливая жизнь: *Аркадская идиллия (книжн.)* – счастливая, безмятежная жизнь, мирное, ничем не омрачаемое существование [*этим.* Аркадия – внутренняя земледельческая область древнегреческого острова Пелопоннес, население которой славилось гостеприимством и чистотой нравов. Во французской литературе XVII – XVIII вв. Аркадия изображалась как идиллическая счастливая страна]; *не жизнь, а малина (прост. одобр.)* – очень счастливая, привольная и беззаботная жизнь; *не житье, а масленица* – очень счастливая, привольная жизнь [масленица – земледельческий праздник проводов зимы у древних славян и др. народов, приуроченный христианами к неделе перед так называемым великим постом; во время праздника пеклись блины и устраивались различные увеселения]; *разлюли малина (прост.)* – беспечная жизнь, веселое и раздольное времяпрепровождение [*этим.* на основе русской народной песни «Люли, калина-малина!»];

– место, где царит счастье: *обетованная земля* – место, где царит довольство, изобилие, счастье;

– счастливая пора: *век Астреи (устар.)* – о счастливой, радостной поре [*этим.* греч. мифол. *Астрея* – богиня справедливости; время, когда она пребывала на Земле, было счастливым];

– желание сделать кого-либо счастливым: *составить счастье*;

– здоровье: Дал бы бог здоровья, а счастье найдем.

– ум: Счастье без ума нипочем.

– счастье народа: И стала с счастьем народа цвествь радость в селах и городах (Рылеев).

– свобода: *Свободу дайте мне – найду я счастье сам!* (Баратынский).

– достижение благородной цели: *Прометеев огонь* (книжн.) – неугасающее стремление к достижению высоких благородных целей.

У татарского народа – это:

– счастливая жизнь: *ак □□йм□ле к□н* (букв. жизнь, как белая скатерть) – счастливая жизнь; *о□махтагы кебек тору* – жить как в раю;

– быть вознагражденным богом: *саваплы булу*;

– осуществление мечты: *моратына иреши□*;

– дети: *Балалар – безне□ б□хетебез в□ с□гад□тебез* (Г. Тукай);

– счастье страны: *Яхшы ад□м – илне□ ырысы, яхшы с□з – □анны□ тынычы*. (Хороший человек – счастье страны, хорошее слово – душевное спокойствие.)

Философы разных времен утверждали, что счастлив тот человек, который не только обладает высшими благами, но именно тот, кто ценит добро и имеет, таким образом, «положительный баланс жизни».

Так, А. Блаженный писал, что счастливый человек – тот, который имеет то, что хочет, но не хочет ничего дурного («О счастливой жизни») [1, с. 35]. Современный философ В. Татаркевич, развивая эту мысль, выдвинул следующую концепцию счастья: счастлив не только тот человек, который обладает высшими благами, но и тот, в чьей жизни добро всегда преобладало над злом, кто имел те блага, к которым стремился и которым умел радоваться; счастлив тот, кто имел положительный баланс жизни [1, с. 35].

Положительный баланс жизни счастливого человека создается и особым мудрым поведением человека, обладающего такими положительными чертами характера, как великодушие, совесть, терпение и др. В татарском языке представлена большая группа фразеологизмов, раскрывающих положительные черты характера человека, благодаря которым человек может стать счастливым. Например:

– великодушие: *б□хет ки□ к□□елле кешене ярата, ди* (счастье любит людей с широкой душой);

– невзыскательность: *□рsezлек – ярты б□хет* (невзыскательность – половина счастья);

– нравственность: *б□хет башы – т□□фикъ* (счастье начинается с нравственности); *б□хет барда – т□□фикъ бар, т□□фикъ барда – б□хет бар* (счастье есть, когда есть нравственность, когда есть нравственность – тогда есть и счастье);

– смелость: *кыюны□ б□хете алдан й□рер* (счастье смелого идет впереди него); *кыюлык – ярты ырыскал* (смелость – половина счастья);

– совесть: *б□хетне в□□даны□нан сора* (счастье проси у своей совести);

– старательность: *ырыс тырыш кулында* (счастье в руках старательного человека);

– терпение: *сабыр итк□н морадына □итк□н* (терпеливый достигнет святой цели);

– трудолюбие: *Зур бәхетләргә сызганып эшкә бирелгәннән килә* [Г. Тукай] (большое счастье приходит благодаря самоотверженному труду); *бәхет урлап, хәйләлән табылмый, эшлән табыла* (счастье добывается не воровством и хитростью, а трудом); *бәхет бирдән чыкмас – тирдән чыгар* (счастье на земле не валяется, оно добывается потом);

– щедрость: *баеган бәхетле тәгел – юмарт бәхетле* (счастлив не богатый, а щедрый).

Положительный баланс жизни как счастье отражен в обобщенной форме в татарской пословице *Бәхетле булыр өчен өч нәрсә кирәк: тән саулыгы, фикер саулыгы, күңел саулыгы*. (Чтобы быть счастливым, нужны три вещи: здоровое тело, здравые мысли, здоровый дух.)

Представление англичанина о счастливой жизни, безмятежном существовании связывается с образом пуховой постели: *a bed of down* (букв. пуховая постель – ‘безмятежное существование, счастливая жизнь’) или с ложем из роз: *a bed of roses* (букв. ложе из роз – ‘путь, устланный розами; лёгкая, счастливая, безмятежная жизнь’ [выражение восходит к обычаю богачей в древнем Риме устилать своё ложе лепестками роз]).

Из черт характера, которые сопутствуют счастью, англичане и американцы отмечают смелость: *fortune favours the bold / the brave* – счастье сопутствует смелым [этим. лат. *fortis fortuna adjuvat*].

Стремление сделать кого-либо счастливым – это тоже счастье, высшее благо, которым обладает человек: *do smb’s heart good* – радовать сердце, доставлять кому-л. удовольствие; *make one’s day* – сделать кого-л. счастливым.

Представление о важности для счастья положительного баланса жизни человека получило отражение во фразеологии разных народов, о чем говорят пожелания счастья, удачи кому-либо в разных ситуациях.

В русском языке эти пожелания счастья выражаются следующими фразеологизмами:

в добрый (счастливый) путь! – 1) доброе пожелание тому, кто уезжает; 2) доброе пожелание при начинании какого-либо дела [этим. *добрый* – хороший, благоприятный, счастливый];

ни пуха ни пера – пожелание кому-либо удачи, успеха в каком-либо деле [этим. от суеверного представления о том, что пожеланием удачи охотнику в прямой форме можно «сглазить» его удачу];

счастливо оставаться! – всего наилучшего! (пожелание уходящего или уезжающего тому, кто остается).

В татарском языке пожелания счастья представлены фразеологизмами:

ак юл теләк – пожелать счастливого (букв. белого) пути; *бәхетә алдыга сайрап кунсын* – пусть птица счастья сядет перед ним / ней и запоет; *бәхетә яр булсын* – пусть счастье будет твоим неразлучным спутником с любовью; *кая барса да, бәхетә булсын* – где бы ты ни был – будь счастлив; *котлы булсын!* – на счастье! *юлларыгыз уң булсын!* – счастливого пути! *юлыга ак өйм!* (букв. твоей дороге – белое покрывало) – счастливого пути! *юлы уң булсын!* – счастливого пути!

Как видно, в двух приведенных фразеологизмах татарского языка использован колоратив *ак* (белый), что не случайно, ибо самое большое счастье в татарском языке именуется как *ак бәхет* (букв. белое счастье).

В английском языке пожелания счастья, успехов выражено небольшой группой фразеологизмов:

for luck – на счастье; *wish smb. all the luck in the world* – желать кому-либо всяческого успеха; *wish (уст. give) smb. joy (in smth.)* (часто ирон.) – поздравлять кого-л., желать счастья, удачи кому-либо (в чём-либо).

4. Представление о счастье как «удовлетворение жизнью в целом» также имеет место и в философских воззрениях на счастье, и в осмыслении счастья великими людьми. Их высказывания на этот счет стали афоризмами и берутся на вооружение как жизненные ориентиры.

Так, известен эпизод из жизни И. Гёте, который в беседе с Эккерманом (в 1824 г.) говорил: «...Вряд ли за свои семьдесят пять лет я провел четыре недели в свое удовольствие». Однако немного позднее (1830 г.) восьмидесятилетний Гёте писал о себе Цельтеру, что счастлив и хотел бы прожить свою жизнь вторично. Комментируя эти высказывания И. Гёте, философ В. Татаркевич пишет: «И в этих двух его признаниях не было противоречия: ибо те «четыре недели счастья» были для него временем наивысшей, ничем не омраченной радости, а счастье, в котором он признавался Цельтеру, понималось в другом значении слова – как общее удовлетворение жизнью» [1, с. 37].

Романтически-светлое восприятие жизни и удовлетворение ею как счастье описал И. Бунин:

*О счастье мы всегда лишь вспоминаем,
А счастье всюду. Может быть, оно
Вот этот сад осенний за сараем
И чистый воздух, льющийся в окно.*

Человек, духовно богатый, видит счастье в красоте природы, восхищается шедеврами искусства, которые одухотворяют его жизнь. Именно так представлял себе счастье А.С. Пушкин:

*Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
Вот счастье!*

Таким образом, счастье – это общее удовлетворение жизнью; счастлив тот, кто доволен жизнью. Счастье в таком понимании невечно, непродолжительно. В связи с этой идеей о счастье уместно привести слова великого русского полководца А. Суворова: «Сегодня счастье, завтра счастье – помилуй бог, а ум-то где?» или афоризм великого английского писателя Б. Шоу: «На свете нет и не может быть ничего более страшного, чем вечное счастье».

Английский язык предоставляет целую группу фразеологизмов с общим значением ‘счастливого времени, счастливой поры в жизни’, которое конкретизируется в каждом отдельном фразеологизме, указывая на один счастливый день, счастливые две недели, счастливую минуту, счастливую пору:

day out – лучший день (в жизни); день триумфа; *halcyon days* – спокойные, мирные дни, счастливая пора [*halcyon* – зимородок; *этим.* по древнему преданию, зимородок выводил птенцов в гнезде, плавающем по морю, в период зимнего солнцестояния, а в это время около двух недель море бывало совершенно спокойно]; *a high spot* – счастливая минута, примечательное событие; *mark a day with a white stone / diem* (*букв.* отмечать дни белым камнем) (*предк.*) – считать день счастливым, знаменательным [*этим. лат. albo lapillo notare*: древние римляне белым камешком отмечали счастливые дни]; *a red-letter day* (*букв.* день, отмеченный красными буквами) – праздничный, радостный, счастливый, памятный день [*первонач.* праздничный день, обозначенный в календаре красным]; *sweet seventeen* – счастливая девичья пора (семнадцать лет).

Можно предположить, что выделение в английском языке особой группы фразеологизмов со значением разного времени, в которое человек может быть счастлив, не случайно. Англичанин, по свидетельству некоторых очевидцев, может быть счастливым в разное время и даже в самых трудных условиях. Так, А. Моруа рассказывал, что во время войны 1914–1918 гг. стиль жизни английских солдат из экспедиционного корпуса отличался от суровой аскетической жизни местного фламандского населения своей комфортабельностью. Англичане даже во время войны, в перерыве между атаками, помнили о своих удовольствиях. Тогда в шутку говорили, подражая Ницше: «Человек не стремится к счастью, это только англичане стремятся к счастью» [1, с. 285].

Жизнь показывает, что каждый человек может быть счастлив, ибо: «*Всяк своего счастья кузнец*», «*Every man is architect of his own fortunes*» (всякий человек архитектор своего счастья), «*Человек создан для счастья, как птица для полета*» (В. Короленко) и «*Если хочешь быть счастливым, будь им*» (Козьма Прутков).

Пусть будут в жизни трудности, но ведь «*Счастлив тот, кто прокладывает сам себе дорогу, не опираясь ни на кого*» (Н.В. Гоголь); пусть будут в жизни страдания, но ведь «*Покупаем счастье страданием*» (Ф. Достоевский); пусть будет в жизни тоска, но ведь «*Бухет дурьясында берзе ийзгиче, сагыш утында ик лп яну яхшырак*» (гореть вдвоем у огня тоски лучше, чем плыть одному по реке счастья); пусть будет в жизни и несчастье, но ведь может стать, что «*Не было бы счастья, да несчастье помогло*» или, как говорят англичане, *a blessing in disguise* – неприятность потом окажется благом.

О жизненных невзгодах, от которых все равно не гаснет счастье человека, прекрасно сказал М.Ю. Лермонтов:

*Тот счастлив, в ком ни раз
Веселья дух не гас.
Хоть он всю жизнь страдает,
Но горесть забывает
В один прекрасный час.*

Счастье хоть раз в жизни придет ко всякому, хоть раз постучится к нему в дверь, в ворота, в калитку – *fortune knocks once at least at every man's door / gate*. Даже если это счастье маленькое, не стоит пренебрегать им, ибо, как говорят татары, «блкъй бхетне ташласа, зурьсын ктм» – если будешь пренебрегать маленьким счастьем, не жди и большого счастья.

Summary

G.A. Bagautdinova, L.K. Bairamova. Value idioms on happiness.

The article deals with Russian, Tatar and English idioms' studying in the mirror of basic system of values of society. For the first time Russian, Tatar and English idioms (including proverbs and aphorisms) connected with the meaning of happiness are studied there in comparative aspect. These idioms are examined according to those existing and theoretically substantiated views of philosophers on happiness, that found reflection in the idioms of the Russian, Tatar and English languages.

Литература

1. *Татаркевич В.* О счастье и совершенстве человека. – М.: Прогресс, 1981.
2. *Архангельский Л.М.* Человечество в поисках счастья. Предисловие // *Татаркевич В.* О счастье и совершенстве человека. – М.: Прогресс, 1981. – С. 5–24.
3. *Философский энциклопедический словарь.* – М.: Инфра-М., 2005.
4. *Философия. Энциклопедический словарь.* – М.: Гардарики, 2004.
5. *Воркачев С.Г.* Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. – Краснодар: Техн. ун-т Кубан. гос. ун-та, 2002. – 142 с.
6. *Лузина Л.Г., Воркачев С.Г.* Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа // *Реферат. журн. Языкознание.* Сер. 6. – 2002. – № 3. – С. 127–131.
7. *Байрамова Л.К.* Концепт «Счастье» в хорватском языке // *Drugi hrvatski slavisticki kongres: Zbornik radova. 2.* – Zagreb, 2001. – С. 471–473.
8. *Воркачев С.Г., Воркачева Е.А.* Концепт счастья в английской паремиологии // *Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносоциализма: сб. научн. тр.* – Волгоград: Колледж, 2002. – С. 36–40.
9. *Багаутдинова Г.А.* Концепт «Счастье» как компонент фразеологической диады // *Россия – Азия: становление и развитие национального самосознания.* – Улан-Удэ: БГУ, 2005. – С. 167–169.
10. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998;
11. *Кунин А.В.* Англо-русский фразеологический словарь. – М.: Рус. яз., 1984.
12. *Мхматов Х.* Канатлы сүз – хикмәтле сүз. – Казан: «Мәгариф нәшрияте», 1999.

Поступила в редакцию
30.01.06

Багаутдинова Гузель Анваровна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка Казанского государственного университета.

Байрамова Луиза Каримовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы в национальной школе Казанского государственного университета.